

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham

THE RAINMAKER

Перевод с английского
М. Тугушевой (гл. 1—26), А. Санина (гл. 27—53)

Компьютерный дизайн А. Кудрявцева,
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.
Г85 Золотой дождь : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ.
А. Санина, М. Тугушевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 608 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-117559-7

Один из лучших романов Джона Гришэма.

Роман, который стал основой фильма Фрэнсиса Форда Coppola «Благодетель» с голливудскими суперзвездами Мэттом Дэймоном, Дэнни де Вито, Клэр Дэйнс и Микки Рурком в главных ролях.

Первое дело Руди Бейлора — начинающего адвоката, который взялся защищать интересы человека, нуждающегося в дорогостоящем лечении, и неожиданно для себя ввязался в схватку не на жизнь, а на смерть с одной из крупнейших страховых компаний США.

Он молод и неопытен — а против него выставили целую команду акул юридического бизнеса.

Он честен и готов рискнуть всем ради правды, а его противники искушены во лжи и готовы пустить в ход против него любые средства — законные и не очень.

Но готовы ли они заставить Руди замолчать навечно?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-117559-7

© John Grisham, 1995
© Перевод. А. Санин, 2003
© Перевод. М. Тугушева, 2003
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ГЛАВА 1

Окончательное и бесповоротное решение стать адвокатом я принял, когда осознал, что мой отец адвокатскую братию на дух не переносит. Неловкий подросток, разочарованный в жизни, я не знал, куда деваться от собственной неуклюжести, половое созревание приводило меня в ужас, а отец грозил отправить меня за непослушание в военное училище. Прошедший в свое время суровую школу морской пехоты, он считал, что мальчишкам нужно с детства прививать железную дисциплину. Я же палочного воспитания не признавал, во всем ему перечил, и отец не придумал ничего лучшего, как отослать меня с глаз долой.

В гражданской жизни он освоил профессию инженера и вкалывал по семьдесят часов в неделю в фирме, которая, помимо прочего, изготавливала лестницы. Поскольку лестница по природе своей — предмет в быту опасный, фирме не раз приходилось отвечать в судах по гражданским искам. А отец, как ведущий конструктор этих изделий, то и дело отдувался за фирму в ходе предварительных допросов или на самих судебных процессах. Не могу сказать, что ненависть отца к юристам не имела под собой никаких оснований, но меня представители этой профессии восхищали именно в силу того, что доставляли отцу столько неприятностей. После очередной восьмичасовой тяжбы он обычно приходил домой и сразу напивался в стельку. Ни тебе «здравствуй», ни дружеского шлепка или ласки. Даже на ужин он времени не терял. Час беспрерыв-

ной брани, четыре стакана мартини, и он засыпал в пьяном угаре на своей любимой скособоченной кушетке. После одного процесса, который длился три недели и завершился сокрушительным поражением его фирмы, матери пришлось вызвать «скорую», и отца на неделю упекли в лечебницу.

В конечном итоге фирма обанкротилась, и, ясное дело, вину за это возложили на адвокатов. Дескать, веди они защиту более квалифицированно, так и до банкротства не дошло бы. Отец совсем спился и впал в жесточайшую депрессию. Годами он не мог найти постоянную работу, что здорово меня подкосило, поскольку для оплаты своего обучения в колледже общего типа мне приходилось подрабатывать официантом и развозить пиццу по домам. За все четыре года моей учебы мы с отцом едва ли перекинулись и парой слов. В день, когда я узнал о своем зачислении в юридический колледж, я вернулся домой, пыжась от гордости. Позже мама сказала мне, что отец уже неделю не вставал с постели.

А две недели спустя он менял лампочку в кладовке, когда (клянусь, что не вру!) ножки лестницы подломились, и отец рухнул на пол головой вниз. После этого он год пролежал в клинике, не выходя из комы, пока кто-то не сжалился и не отключил его от аппарата искусственного дыхания.

Вскоре после похорон я предложил подать на врачей в суд, но мама воспротивилась. Тем более что, как я и подозревал, в момент падения отец скорее всего был «под мухой». И давно не зарабатывал ни гроша, а раз так, то в соответствии с нашим гражданским законодательством жизнь его ценилась не слишком высоко.

Моей матери выплатили страховку в размере пятидесяти тысяч долларов, и она вышла замуж второй раз, но не за того, за кого бы следовало. Мой отчим — в прошлом мелкий почтовый служащий из Толидо — прост, как пара старых сапог, и львиную долю времени они проводят на танцуйках или болтаются по стране в трейлере «виннебаго». Я в этих забавах не участвую. Мать не дала мне ни цента из своих денег, сказав, что эти пятьдесят кусков все, что у нее есть, чтобы начать строить свою жизнь, и, поскольку я уже доказал свою способность

жить на жалкие гроши, значит, мне эти деньги не нужны. У меня впереди вся жизнь, и я еще успею заработать себе кучу денег, а она — уже нет. Примерно так она говорила. Я, со своей стороны, вполне уверен, что это Хэнк, ее второй муж, нашептывал ей на ухо финансовые советы и когда-нибудь в будущем наши дорожки с Хэнком пересекутся.

Я окончу юридический колледж в мае, через месяц, и засяду за учебники, чтобы подготовиться к экзаменам в июле на звание адвоката. Окончу я не блестяще, без похвальных аттестатов, хотя значусь по успеваемости в первой половине списка студентов моего курса. Единственный умный поступок за три года обучения в университете — то, что самые необходимые и трудные курсы я прошел пораньше и в свой последний семестр мог валять дурака. На эту весну из предметов осталась просто ерунда: спортивное законодательство, законы, касающиеся искусства, кое-что из Кодекса Наполеона и — что я особенно люблю — юридические права стариков.

Из-за этих проблем я сейчас и сижу на шатком стуле, который вот-вот рассыплется, за колченогим столом, в душном, жарком стальном помещении, где полно самых разных и чудных «пожилых людей», как они предпочитают себя называть. От руки написанная вывеска над единственной в поле зрения дверью торжественно возвещает, что это сооружение называется «Домом пожилых граждан из “Кипарисовых садов”», но, кроме этого названия, вокруг нет ни малейшего намека на цветы или зелень. Стены тусклые и голые, только в одном углу висит старая, выцветшая фотография Рональда Рейгана между двумя печально обвисшими флагами — федеральным и флагом штата Теннесси. Само здание небольшое, угрюмое, безрадостное, очевидно, построенное наспех на неожиданно капнувшую дотацию из федерального бюджета. И я что-то там такое бессмысленно царапаю в своем блокноте, не решаясь взглянуть на людей на складных стульях.

Здесь, наверное, человек пятьдесят, поровну темнокожих и белых, средний возраст — по крайней мере семьдесят пять, некоторые слепые, примерно с десятков — в инвалидных колясках и многие со слуховыми аппаратами. Нам пояснили, что

они встречаются здесь каждый полдень поесть чего-нибудь, немного попеть и послушать очередного отчаявшегося кандидата на предстоящих выборах в конгресс.

После пары часов общения они отправляются по домам и принимаются считать часы до следующей встречи. Наш преподаватель говорил, что для них такое общение — звездный час суток.

Мы сделали непростительную ошибку, приехав на ленч к назначенному часу. Нас четверых, вместе с нашим руководителем, профессором Смутом, усадили в углу, и все не отрываясь глазели, как мы справляемся с резиновыми цыплятами и замороженным зеленым горошком. У меня было еще желе желтого цвета, и старый бородатый козел по имени Боско, о чем извещала надпись на бирке, болтающейся на грязной рубашке с нагрудным карманом, положил на него глаз. Он что-то забормотал насчет желтого желе, и я предложил ему вождеденное блюдо, а заодно и свою порцию цыпленка, но мисс Берди Бердсонг* быстренько толкнула его на место, чтобы сидел и не рыпался. Мисс Бердсонг около восьмидесяти, но она очень подвижна для своего возраста и выполняет функции родительницы, тирана и вышибалы всей этой шайки. Она управляется со своими подопечными, как опытная тюремная надзирательница, — прощает и хвалит, сплетничает с усохшими дамами в голубоватых седирах, пронзительно смеется, но при этом не упускает из вида Боско, который, видимо, паршивая овца этого стада. Мисс Берди отчитала его за то, что он пялит глаза на мое желе, однако через несколько секунд поставила перед его горящим взором целую миску желтой мешанины, и он стал есть ее прямо из миски, хватая желе короткими пальцами.

Прошел час. Ленч все продолжался. Эти голодающие пожирали все семь блюд с такой жадностью, словно ели последний раз в жизни. Их вилки и ложки в дрожащих руках сновали туда-обратно, вверх-вниз, в рот — изо рта, словно они поглощали нечто неопишимо вкусное. Время для них не значило

* Имя и фамилия Birdie Birdsong переводится как Пташка Птичья Трель. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

абсолютно ничего. Они огрызались, когда с ними заговаривали. Они роняли еду на пол, и я уже не мог всего этого выносить. Я таки съел свое желе, а Боско, все еще голодный, алчно следил за каждым моим глотком. Мисс Берди порхала по комнате и чирикала о том о сем.

Профессор Смут — придурковатая, неуклюжая, ученая вобла с криво сидящим галстуком-бабочкой, взлохмаченными волосами и в красных подтяжках в довершение всего своего идиотского вида — сидел с удовлетворенно-сытым выражением человека, только что прекрасно отобедавшего, и восхищенно-любовно озирал происходящее, словно спектакль смотрел. Он, конечно, добряк, ему немного за пятьдесят, но он с причудами, как Боско и его приятели, и уже двадцать лет читает свои дурацкие курсы, которые больше никто не хочет читать и мало кто из студентов посещает. Права детей, «помощь беспомощным», семинар по проблеме «Насилие в семье». Он занимается также проблемами душевнобольных и преподает «Основы права старых идиотов», как студенты называют этот курс за его спиной. Он однажды задумал читать курс лекций под названием «Права зародыша», но это вызвало такую бурю кривотолков, что он быстро слинял в отпуск.

В первый же день занятий Смут объяснил, что назначение и цель его курса — познакомить нас с реальными людьми, у которых реальные жизненные трудности. Он убежден, что все студенты, поступившие в юридический колледж, придерживаются некоторых идеалистических представлений и желают служить обществу, но после трех лет жесткой конкуренции мы хотим только получить хорошее место в подходящей фирме, где через семь лет можно добиться места партнера и зашибать большие деньги. Вот в этом он прав.

Его курс не пользуется популярностью, и нас было всего одиннадцать человек. Через месяц скучных лекций и постоянных попыток раздобыть денег, подрабатывая в свободное время, наше число сократилось до четырех. Курс этот был хоть и никчемный, но отнимал всего два часа в день, подготовки почти не требовал, что меня и подкупило. Но если бы пришлось заниматься у Смута на месяц больше, я серьезно сомневаюсь,

что выдержал бы. В данный момент я колледж ненавижу, и у меня возникли очень серьезные подозрения насчет эффективности применения нашей юридической науки на практике. Сегодня я встретился с живыми клиентами, и встреча меня ужаснула. Эти перспективные клиенты, все старые и больные, смотрели на меня так, словно я обладаю высшей мудростью. Я, конечно, почти адвокат, на мне темный костюм, на столе передо мной лежит фирменный блокнот, в котором я черчу квадраты и круги, нахмурившись с умным видом, словно я способен им помочь. Рядом со мной за раздвижным столом сидит Букер Кейн, негр и мой лучший университетский друг. Ему также не по себе. Перед нами карточки, где черными буквами выведены наши имена — Букер Кейн и Руди Бейлор. Это я. Рядом с Букером — возвышение, где расположилась и что-то сверчит мисс Берди, а по правую сторону еще стол с такими же карточками, извещающими о присутствии Ф. Франклина Доналдсона-четвертого, напыщенного осла, который уже три года пишет инициал перед именем, а порядковый номер после. А рядом Н. Элизабет Эриксон, та еще шлюшка. Она ходит в костюмах в полоску с шелковыми галстуками и очень агрессивна. Многие из нас подозревают, что она носит также тесно облегающее эластичное трико для атлетов. За нами у стены стоит Смут. Мисс Берди читает объявления, больничные бюллетени и некрологи. Она орет в микрофон, подключенный к отменно работающим усилителям. В углах комнаты висят четыре громкоговорителя, и пронзительный голос мисс Берди грохочет так, что клиенты зажимают слуховые аппараты рукой или совсем их вынимают. Теперь уже никто не спит. Сегодня мисс Берди прочитала три некролога, и я вижу на глазах у некоторых слезы. Господи, не допусти, чтобы и я стал таким же. Даруй мне еще пятьдесят лет труда и веселья, а затем мгновенную смерть во сне.

Слева у стены очнулась от летаргии пианистка и шумно переворачивает страницы нот. Мисс Берди воображает себя аналитиком по проблемам политики, но, когда она начинает верещать о предполагаемом росте цен, пианистка касается клавиш. Это, наверное, «Америка прекрасна». С завидным

энтузиазмом, бурно и оглушительно, словно стуча по металлу, музыкантша дважды озвучивает вступление, и старые перечницы хватают свои книжечки с текстами гимнов и псалмов и ждут, когда начнется первый куплет. Мисс Берди тут как тут. Теперь она начинает дирижировать хором. Она поднимает руки, хлопает, чтобы привлечь к себе внимание, и затем начинает размахивать ими, когда дело доходит до текста. Те, кто в состоянии, медленно встают.

На втором куплете драматические завывания стихают. Слова уже менее знакомы, а эти бедняги не видят дальше носа, так что книжечки с текстами бесполезны. Боско внезапно закрывает рот, но продолжает громко гудеть, подняв глаза к потолку.

Внезапно обрываются и звуки музыки, потому что ноты слетают и падают на пол. Конец песням. Присутствующие глазуют на пианистку, которая, да благослови ее Господь, рыщет руками вниз, пытаясь собрать разлетевшиеся листы, но в основном хватает воздух.

— Спасибо! — вопит мисс Берди в микрофон, и все разом падают на стулья. — Благодарю. Музыка — замечательная вещь. Давайте возблагодарим Господа за эту прекрасную музыку.

— Аминь! — ревет Боско.

— Аминь, — вторит ему еще какая-то развалина из задних рядов.

— Спасибо, — повторяет мисс Берди. Она с улыбкой поворачивается к нам с Букером. Мы оба наклоняемся вперед на локтях и опять смотрим на собравшихся. — А теперь, — возглашает она торжественно, — вернемся к программе дня. Мы так рады, что нас опять посетил профессор Смут с некоторыми из своих очень способных и красивых студентов, — она аплодирует нам дряблыми руками, улыбается серо-желтыми зубами в сторону Смута, который тихонько подходит и становится рядом с ней. — Ну разве они не красавцы? — спрашивает мисс Берди. — Как вам известно, — продолжает она в микрофон, — профессор Смут преподает юриспруденцию в Мемфисе, где, как вы знаете, учился, хотя и не окончил курса, мой младший сын. Каждый год профессор Смут навещает нас с группой

студентов, готовых выслушать ваши вопросы и дать юридическую консультацию, которая всегда полезна. Должна добавить, что все это делается бесплатно, — она оборачивается и одаряет Смута еще одной широкой улыбкой. — Профессор Смут, от имени нашей группы мы говорим вам: «Добро пожаловать опять в “Кипарисовый сад”». Мы вам благодарны за ваше участие и интерес к проблемам пожилых граждан. Спасибо. Мы все вас любим».

Она спускается с возвышения, начинает яростно бить в ладоши, выразительно кивает присутствующим старикам, чтобы и они присоединились к ней, но ни единая душа, даже Боско, не следует ее примеру.

— Потрясающий болван, — бормочет Букер.

— Но по крайней мере его любят, — шепчу я в ответ.

Старики терпят все это уже минут десять, только что они плотно закусили, и я вижу, как у них слипаются глаза. Когда Смут окончит говорить, они будут уже храпеть.

Смут поднимается на возвышение, поправляет микрофон, откашливается и ждет, пока мисс Берди займет свое место в переднем ряду. Садясь, она сердито шепчет бледному джентльмену, что рядом:

— Надо было хлопать, — но он ее не слышит.

— Благодарю вас, мисс Берди, — пищит Смут. — Всегда приятно побывать в «Кипарисовом саду», — он говорит искренно, и я не испытываю ни тени сомнения, что профессор Говард Л. Смут действительно считает за честь быть здесь, в этом безнадежно унылом здании, среди печальных стариков и с четырьмя студентами, которым случилось оказаться на его курсе. В этом для Смута смысл жизни.

Он представляет нас. Я быстро поднимаюсь, коротко улыбаюсь и снова сажусь с хмурым выражением интеллектуальной озабоченности на лице. Смут говорит о законах охраны здоровья, о сокращении бюджетных сумм на подобные нужды, о... завещаниях, о льготах на цены, об оскорблениях, которым могут подвергнуться немощные, и платежах по страховому полису в нашем округе, он жужжит словно муха: о прорехах в системе социального обеспечения, о готовящихся подзакон-

ных актах, о правилах общежития в домах для престарелых, о природе, характере и границах права собственности на недвижимость и землю, о чудодейственных лекарствах — все болтает и болтает, совсем как на занятиях в аудитории. Я зеваю, мне захотелось спать. Каждые десять секунд Боско поглядывает на часы.

Наконец Смут закругляется, он снова благодарит мисс Берди и ее команду, обещает приезжать с лекциями каждый год и садится на стул в конце стола. Мисс Берди пытается еще пару раз хлопнуть в ладоши, но безрезультатно. Никто не шевельнулся. Половина стариков храпела.

Мисс Берди машет рукой в нашу сторону и обращается к своей пастве:

— Вот они перед нами. Они добрые и дадут советы безвозмездно.

Медленно и неуклюже старики движутся к нам. Возглавляет шествие Боско. Но, наверняка обиженный из-за желтого желе, он бросил на меня зверский взгляд, тащится к другому концу стола, где и усаживается перед уважаемой Н. Элизабет Эриксон. Я, однако, не сомневался, что он единственный, кто потащится куда угодно за юридической консультацией. Пожилой негр выбрал своим поверенным Букера, и они начали беседовать, наклонившись друг к другу через стол. Я старался не прислушиваться. Что-то там о бывшей жене и разводе, который то ли был, то ли не был совершен в законном порядке. Букер делает пометки в блокноте и слушает с таким вниманием, словно действительно знает, как помочь.

Но по крайней мере у Букера есть клиент. Целых пять минут я сидел дурак дураком в одиночестве, в то время как трое моих сокурсников шептались, что-то царапали в блокнотах, вникали, сочувственно покачивая головами, в сложности стариковского бытия.

Одиночество мое не остается незамеченным. Мисс Берди Бердсонг роется в сумочке, вытаскивает конверт и скачет к моему концу стола.

— Я хотела посоветоваться именно с вами, — шепчет она, подвигая стул поближе ко мне.

Она наклоняется вперед, я — влево, и, в тот самый момент, когда расстояние между нашими головами сокращается до нескольких дюймов, начинается моя первая консультация. Букер смотрит на меня, злорадно улыбаясь.

Моя первая консультация. Прошлым летом я работал клерком в маленькой фирме за городом, где подвизались двенадцать юристов и работа была строго почасовая. Без всяких случайных гонораров. Я овладел искусством составлять почасовые графики, главный принцип которых в том, что юрист большую часть времени проводит в совещаниях и консультациях. Он принимает клиентов, он дает консультации по телефону, он совещается с юристами, представляющими противную сторону, с судьями и партнерами, страховыми инспекторами, другими клерками и им подобными судебскими и законниками, совещается и консультируется за ленчем в судах, на многочисленных конференциях. Только назовите род деятельности, а уж юристы сумеют убедить в необходимости проконсультироваться по данному поводу.

Мисс Берди бросает острый взгляд по сторонам, призывая меня нагнуться ниже и говорить потише, потому что вопрос, по которому она желает проконсультироваться, чертовски серьезен. Меня это устраивает: незачем кому-нибудь слышать неуклюжие и наивные советы, которые я могу предложить ей в ответ на вопрос.

— Прочтите это, — говорит она.

Я беру конверт и открываю его. О Боже! Это завещание! Последняя воля Коллин Дженис Берроу Бердсонг! Смуг нас предупредил, что больше половины этих клиентов захотят, чтобы мы проверяли и, может быть, привели в соответствие с сегодняшним временем их завещания. И это замечательно, потому что в прошлом году нам пришлось прослушать целый курс под названием «Завещания и права наследования», и мы чувствуем себя довольно подкованными в подобных проблемах. Завещание — достаточно простой документ и может быть составлен без ошибок даже начинающим юристом.

Бумага, которую я держу в руке, напечатана на машинке и имеет официальный вид. Пробежав ее, я уясняю, что мисс

Берди вдова, имеет двоих детей и полный ассортимент внуков. От третьего параграфа я холодею и, читая, то и дело поглядываю на свою клиентку. Затем перечитываю его еще раз. А она самодовольно улыбается. Текст повелевает ее душеприказчику передать каждому из детей по два миллиона долларов и по миллиону в трастовом фонде каждому из внуков. Я делаю медленные подсчеты в уме: всего у нее восемь внуков. Значит, общая сумма составит двенадцать миллионов.

— Читайте дальше, — шепчет мисс Берди, словно слышит, как у меня в мозгу работает счетное устройство. Клиент Букера, старик негр, со слезами в голосе повествует, как у него давным-давно случился неудачный роман и как дети пренебрегают им. Я пытаюсь не слушать, но это невозможно. Букер что-то строчит в блокноте как бешеный. Боско громко хохочет на другом конце стола.

Согласно параграфу пятому завещания три миллиона остаются церкви и два миллиона нашему колледжу. Есть также список пожертвований, начинающийся с Ассоциации диабетиков и кончающийся мемфисским зоопарком, где каждой организации предназначается сумма по меньшей мере в пятьдесят тысяч долларов. Продолжая хмуриться, я делаю в уме быстрый подсчет и прихожу к выводу, что у мисс Берди чистыми по крайней мере двадцать миллионов.

Но внезапно я осознаю и проблемы, связанные с этим завещанием. Первая и главная: документ не такой многостраничный, как должно быть. Мисс Берди богата, а богатые люди не пишут незамысловатых, простеньких завещаний. У них бывают толстые и сложные завещательные документы, со всевозможными ухищрениями, которые вносят в них дорогостоящие юристы из больших фирм, с задействованными трастами и доверенными лицами, с упоминаниями о передаче наследственных прав от поколения к поколению.

— Кто готовил ваше завещание? — спрашиваю я. На конверте не было никакого указания на то, кто его составил.

— Мой прежний юрист. Он умер.

Это хорошо, что он умер, поскольку завещание он составил непрофессионально и недобросовестно.